Командир роты

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна Командир роты

Валентина Васильевна Чудакова

Командир роты

Очередная сводка Совинформбюро сообщала, что на нашем участке фронта идут бои местного значения. В натуре это выглядело несколько пародийно. Бой не бой, а так - вроде бы игра в "кто кого перехитрит". Закрепившись на промежуточном рубеже, мы притворялись, что озабочены тем, как бы удержать только что отбитые у фашистов позиции. Не наш полк отбил - другой, который мы сменили осторожно после довольно длительной передышки в ближайшем тылу. Но фрицы этого, разумеется, не знали и думали, что мы выдохлись в боях и о дальнейшем наступлении и не помышляем. Мы охотно их поддерживали в этом выгодном для нас заблуждении и в траншее с наступлением темноты поднимали деловитую, почти незамаскированную возню: нарочито активно стучали наши кайла и большие саперные лопаты - укрепляемся, дескать. А на самом деле оборонительные работы шли ни шатко ни валко - лишь бы начальство не придиралось. Мешало наступательное настроение.

И фашисты хитрили: делали вид, что непременно намерены отбить свои прежние позиции, проходящие по гребню господствующих над местностью высот. То тут, то там наскакивали разведкой боем, но только для отвода глаз. Вот они-то и в самом деле выдохлись, наша разведка хорошо знала, что перед нами не было замены вражеских частей. И теперь противник под сурдинку и в самом деле по уши зарывался в землю, на новом необорудованном рубеже.

Короче говоря, соотношение сил было в нашу пользу. Фашисты прозевали момент. После наступления почти весь наш новый передний край заняли передохнувшие и хорошо пополненные полки, так что выбить нас отсюда черта лысого! Тем более что новая линия обороны сразу же была солидно эшелонирована в глубину: в несколько линий траншей. Передний край надежно подстраховали - пока мы тут "выясняем отношения" с противником, за нашими спинами отдыхают и окапываются те, которых мы только что сменили. Можно сказать, мы вели скрытную перегруппировку сил для предстоящего решительного наступления уже не на смоленской, а на белорусской земле. И погода была за нас - по-осеннему нелетная, и даже противная "рама-кочерга" не вылетала на свою ежедневную шпионскую

службу. Шансов усыпить бдительность противника у нас было вполне достаточно.

Теперешний наш промежуточный рубеж немцы строили, конечно, не для нас, а для себя, и посему он выглядит внешне, как пародия на оборонительную линию. Все тут шиворот-навыворот и все наоборот: боевые амбразуры дзотов глядят в наши тылы, острия пулеметных площадок нацелены нам в грудь. Двери все тех же дзотов и жилых землянок - со стороны противника, и замаскировать их по-настоящему невозможно. Смешно сказать: "домой" ползком пробираемся. Мой смешливый связной Соловей каждый раз заклинает: "Избушка, избушка, встань ко мне задом!"

Неудобное наше теперешнее житье, неустроенное. Одним словом, неуютно: конец ноября, а все стрелковое оружие, в том числе и мои пулеметы, на открытых площадках, приспособленных наскоро. Сверху мокро и под ногами слякоть, солдаты мерзнут на вахте, как кочерыжки. А что делать? Капитально перестраивать все некогда, да и силы солдат приходится беречь для наступления. Но даже и не это, впрочем, меня сильно тревожит. Беспокоят новички - командиры взводов, все трое - мальчишки, еще пороху не нюхавшие. Без войны развоевались: "Мы им покажем!" Уж очень самоуверенны, а ведь первый бой, да еще в роли командира, - не шутка. Опять же - пополнение не все обстрелянное... Есть над чем призадуматься. Ну что ж? На то ты и командир роты!

Вдруг о самой себе ехидно подумалось: "Что ж ты не поплакалась в отделе кадров армии? Всучили бы какую-либо инвалидную команду, вот и была бы, как комендант Белогорской крепости: "А слышь ты, Василиса Егоровна, я был занят службой: солдатушек учил". Фу ты, даже и самой смешно.

И комбат у нас теперь другой, все одно к одному: только начала привыкать к комбату Бессарабу - бах, в артиллерию его забрали. Правда, Фома Фомич, занявший его место, у нас в батальоне не новичок - он был замом Бессараба - и, кажется, неплохой дядька, а все ж таки все надо начинать сначала. У каждого свой командирский стиль, собственный метод, свои требования. С Бессарабом на первых порах мне пришлось здорово сражаться за свое законное место в строю: не хотел женщину-командира! А с Фомой Фомичом у нас пока еще стычек не было, похоже - приглядывается пока исподтишка. Ну и пусть. Я свое дело знаю и ответственность на чужие плечи не перекладываю. Сама за все отвечу.

Комбат Фома Фомич вдруг созвал срочную командирскую летучку. Без предисловий заявил:

- Все, друзья мои. Шуточки окончены. Слушайте все сюда. Фашист только что подтянул свежие силы из проштрафившихся. Штрафникам в случае успеха самим Гитлером обещано полное прощение, награды и двухнедельный отпуск "нах фатерлянд". Понятно? Есть приказ все того же фюрера (чтоб ему околеть в одночасье!) во что бы то ни стало скинуть нас с высот и закрепиться на теперешних наших позициях, с дальним прицелом на весну. Ясно? Ближайшая задача такова...

Сразу же после летучки я решила собрать отдельно своих командиров взводов для последнего наставления, для детального разговора. На совещание пригласила старшину роты Нецветаева, писаря Ивана Ивановича и даже болтливого Соловья на сей раз не выставила на улицу - пусть слушает. Ему тоже полезно.

- Однако. - Старшина неодобрительно покачал головой, взглянув на свои трофейные часы-штамповку. - Молодежь наша заставляет себя ждать. Не дело.

- Копуши! - охотно подтвердил Соловей. - Ведь сказано: одна нога там - другая здесь.

- Прифранчаются небось, - уточнил писарь, глядя на меня с лукавой улыбкой. - Как-никак, а вы у нас барышня что надо.

- Барышня! - фыркнул Соловей, неодобрительно покосившись на Ивана Ивановича. А я вдруг неудержимо расхохоталась.

- С чего это вы? - удивился старшина.

- Да так, Василий Иванович. Кое-что вспомнила.

А вспомнилась мне первая и действительно смешная встреча с юными взводными.

Нас только что вывели из боя, в котором мы пулеметной ротой командовали на пару со старшиной Нецветаевым, без единого командира взвода: один за другим они выбыли из строя.

Я сидела в жарко натопленной землянке в одном исподнем, которое мне временно одолжил комбат Бессараб из собственных скудных запасов. Мое обмундирование и белье, промокшие в бою до нитки, исходя паром, медленно просыхали над печуркой, на трофейном кабеле. Соловей, борясь со сном, клевал носом, сидя на нарах. Вот тут они и появились. Все трое. Прямо из тылового пехотного училища. В новехонькой офицерской форме с иголочки, в скрипучих ремнях, с парчовыми парадными погонами на узких мальчишеских плечах. Очень внешне похожие друг на друга. Пресерьезные. Поздоровались не по-уставному (выправку-то казать перед кем? Подумаешь, солдатишко невзрачный да девчонка полураздетая).

Я вежливо пригласила:

- Прошу садиться. Давайте знакомиться.

Все трое разом пожали плечами, переглянулись и уселись

рядком на скамейке у входа, строптиво вздернув еще не нуждающиеся в бритве подбородки. Соловей, повернувшись к ним спиной, беззвучно хихикал, бродяга. Прошло пять минут в полном молчании, и я не без ехидства осведомилась:

- И долго мы так намерены сидеть, товарищи офицеры?

- А вам что, места жалко? - огрызнулся один из них.

- Не места, а времени! - уточнила я уже вполне серьезно.

- Мы ждем командира роты. Нам сказали, что это его ка-пэ, запальчиво возразил один из них.

- Ах вон оно что!.. Соловей, давай наконец амуницию! Вон молодые люди и за начальство не принимают...

- А сами-то они чего стоят, желторотые, необстрелянные, - вполголоса заворчал Соловей, но гости все-таки услыхали. Тот, который мне с самого начала не очень учтиво ответил, многозначительно процедил:

- Не распускайте язык, товарищ солдат! Мы вам не мальчишки.

- А кто ж вы, девчонки, что ли?

- Довольно! - Я едва не расхохоталась, вспомнив, как меня принимал на командирские курсы капитан Вунчиков: "А кто ж ты - парень, что ли?" Ну и Соловей Разбойник.

Между тем он, разобиженно посапывая, шмякнул на стол мои полусырые галифе и таким же образом подал гимнастерку. Гости, как по команде, отвернули носы.

Одевшись и натуго затянув поясной ремень, я почти злорадно подумала: "Ну, голубчики, вы у меня сейчас!.."

- Встать! Смирно! - Парнишки, застигнутые командой врасплох, вскочили как встрепанные. - Как стоите перед своим командиром?! Вот так-то. Вольно.

У бедных младших лейтенантов вытянулись лица. Тот, который посмелее, растерянно воскликнул:

- Как же так? Нам товарищ комбат сказал...

- Я знаю, что вам сказал комбат Бессараб. Он вам пообещал, что вы будете воевать под командой потомка Суворова, что ваш командир - парень что надо. Мне он, когда принимал, еще и не то сказал. От рождения юморист. Но командиров себе не выбирают. - Я развела руками. И закруглилась: - Соловей, проведи офицеров к старшине. Пусть устроит и накормит. Утром разберемся.

Помню, возвратившийся Соловей сиял во все скулы:

- Ка-ак вы их!..

- Ладно. Помалкивай. И в другой раз никогда не лезь не в свое дело.

Соловью еще не приходилось слышать мой командирский голос. Не повышаю я его. Метод окрика - не командирский стиль.

Но уж когда надо, то надо. Сама выработала. Бывало, на курсах мои товарищи в выходной кино смотрят, а я в колхозной риге тренируюсь - сама себе команды ору, да так, что мыши с полатей сыплются. Раз даже охрипла. Зато по подаче команд пятерку получила даже на выпуске.

... - О, явились наконец! - с неудовольствием констатировал старшина-службист и в укор каждому взводному по очереди показал свои "часики".

Кузнецов оправдался за всех:

- Галифе гладили. Утюг-то на весь полк один. Когда потом допросишься...

- Я ж так и знал! - коротко хохотнул писарь.

- Ладно. Будем считать, что на сей раз причина уважительная. Ближе к делу. - Я разложила на столе свои бумажки-заметки. И начала с того, что спросила, есть ли у командиров взводов невыясненные вопросы. Опять за всех ответил тот же Кузнецов:

- Все ясно.

Мне не понравился такой неоправданный оптимизм. Я так и сказала:

- Это плохо, когда человеку все ясно. Не может быть все до конца ясно командиру в его первом предстоящем бою.

Поглядела на всех по очереди: как три брата. До того похожи друг на друга. Но это только внешне. А на самом деле они все разные, хотя и очень дружны между собой.

Кузнецов самый старший - двадцать стукнуло. Хороший парень. Требовательный, толковый, хозяйственный. Во всем любит порядок. А вот серьезности командирской, настоящей пока нет. Видишь, все ему ясно. Сомочкину и Серикову - по девятнадцати. Сомочкин застенчивый - чуть что, так и вспыхнет, как девица красная. Лаской солдата берет - не приказывает, просит. Пока вроде бы слушаются. Но ведь солдаты хитрые, как дети, вызнают командирскую слабинку и... сядут на голову. Держу его в ежовых рукавицах характер воспитываю. Впрочем, он тоже славный парнишка: не обижается и уж никогда не огрызнется.

А вот Сериков - шкатулочка с секретом. За месяц немало нам со старшиной крови испортил. Все норовит повернуть по-своему. Самолюб этакий. Кричит, хорохорится, ершится. Солдата в два раза старше себя по команде "смирно" ставит. А толку-то? Это про него Василий Иванович сказал: "Ишь ты, перец!"

- Так как же? Все ясно? - повторила я свой вопрос для всех.

После довольно продолжительного молчания поднялся Сомочкин. Уставился на меня ясными глазами, недоуменно плечами пожал:

- Я лично не понимаю: что вы имеете в виду?

- Все. Абсолютно все. - Я легонько стукнула ладонью по столу. - Ну, раз не понимаете, давайте начнем с вас. Итак, внимание. Где ваша каска, товарищ младший лейтенант?

- Моя? - Сомочкин оглянулся на товарищей, как бы ища поддержки. А они же тоже без касок! И никто на него не поднял глаз. - Она очень неудобна для ношения, - пробормотал смущенный офицер. - И потом... это самое... некрасиво - на самый нос сползает. А пользы от нее... ведь не бронированная. Верно же?

- Нет, не верно, - отрезала я. - Соловей, вот ты бывалый фронтовик. Скажи: какого ты мнения о солдатской каске?

- Самого лучшего! - не задумываясь, выпалил связной, вскочив на ноги. И тут же пояснил без наводящих вопросов: - Потому как на собственной шкуре, вернее, на башке испытал. - Он проворно снял каску и сдернул шапку-ушанку. - Вон, глядите-ка. - Наклонив стриженую голову, показал серповидный рубец над левым ухом. - Мне так и хирург в санбате сказал: кабы не каска - хана.

- Да что ж она, от всех ранений спасает? - усомнился Сомочкин.

- Почему от всех? - парировал Соловей. - Конечно, если пуля в упор, не спасет. А если касательное? Или осколочное? Защита. Да и спокойней как-то, когда она на голове. К тому ж напиться из нее можно, а при нужде и кашу в нее получить или даже похлебку сварить.

- Ладно, Соловей, садись. Молодец. Ясно? А где ваш щит, товарищ командир?

- Какой щит? - удивился Сомочкин.

- Вот он, товарищи офицеры. - Соловей выхватил из чехла малую саперную лопатку. - Бьет тебя по бедру. Вроде бы и докука. А в бой пошел в самый раз. Из чехла - и за ремень. Видите, как брюшину предохраняет? А ранение в живот - не сахар. Да и окапываться в бою надо. Чем? Не ногтями же?

Вопросов было еще много: боевой расчет, место командира в бою, сигналы и связь, боепитание, забота о раненых. Бедный Сомочкин вспотел, но далеко не на все ответил удовлетворительно. Мои взводные сразу притихли. Последний вопрос задал писарь.

- А где ваш медальон? - спросил он. Юный офицер побледнел и опять растерянно поглядел на товарищей.

- Иван Иванович! - укорила я.

А когда командиры взводов ушли, спросила его самого:

- А где ваш смертный медальон?

Иван Иванович явно сконфузился и вильнул очками в

сторону. Для блезира покопался в карманах:

- Куда ж это я его сунул?.. - И в отместку мне: - А ваш, товарищ старший лейтенант?

- Ох уж эти мне обычаи! - захохотал старшина. - Суеверие одно.

- Василий Иванович, а у вас есть? - не без лукавства поглядела я на своего старшину. И мы все трое захохотали.

Медальон - патрон с запиской, устанавливающей личность, боец переднего края обязан всегда иметь при себе в специальном кармашке галифе или ватных брюк. Но на фронте бытовало поверье, что имеющие при себе этот амулет погибают якобы в первую очередь. И никто из фронтовиков их не носит. Получив, выбрасывают, и с ритуалом; непременно за бруствер, да еще и с приговором: "Черное - в зубы, соль - в глаза! Сгинь - пропади!" Наивно и смешно, но факт. Обычаи, и полезные и никчемушные, на войне живучи, а новички подражают ветеранам буквально во всем, как дядькам-наставникам.

В эту ночь мы со старшиной не сомкнули глаз. Вместе пересмотрели состав боевых расчетов, прикинули потребность в патронах, все примерили, как на генеральной репетиции. Потом вели деловой разговор с командирами стрелковых рот. В особенности я просила старшего лейтенанта Пухова опекать моего Серикова. Помочь ему при случае. Ротный вдруг ни с того ни с сего полез в бутылку:

- Мне и своих забот предостаточно! Хорошенькое дело, она раздаст пулеметы повзводно - и руки в брюки. А мы за них отвечай.

Я обиделась. Заступился его коллега - старший лейтенант Самоваров. Укорил Пухова:

- Она же не бог-дух. Не может быть при всех пулеметах сразу. А пулеметы-то ведь для нас! Что мы без них?

- Ладно, это я ведь просто так, к слову, - смягчился Пухов.

А у меня так и остался на душе неприятный осадок.

Уже во второй половине ночи мы со старшиной прошлись по всем боевым расчетам. Вроде бы все готово на случай, если фашисты предпримут вылазку. Беспокойный комбат Фома Фомич несколько раз лично осведомился по телефону, готова ли пулеметная рота к "концерту". И, получая каждый раз утвердительный ответ, предупреждал: "Ой, гляди, командирша!.."

"Концерт" начался сразу после завтрака. Я была на позициях Серикова, когда вдруг ударили вражеские дальнобойки. Вначале пристрелочными, с перелетом - тяжелые снаряды вздыбили землю за нашими спинами, с корнями вырвали несколько сосен на опушке реденькой рощи. Сериков, докладывающий мне

обстановку, заметно побледнел. И мне вдруг задним числом стало очень жалко парнишку: зачем мы его тогда так уж сурово?..

Залп оказался условным сигналом для открытия огня из стволов всех калибров и систем. Снаряды и мины тошнотворно завыли в низком предутреннем небе. Сполохи взрывов мельтешили всюду; впереди фонтанами вздымались к небу тучи развороченной земли. Молоденькие сосенки взлетали вверх, как пушинки. И без того мглистое мрачное утро начисто погасло. Стало темно, дымно и удушливо.

- Мой правый ориентир! - прокричал Сериков мне в ухо и показал пальцем на одинокую сосну с раздвоенным комлем, маячившую на нейтралке. Тяжелая мина ударила под корень, и от ориентира остался только расщепленный пень. Мы ушли в укрытие.

Нет никакого сомнения, Серикову под огнем пришлось куда как нехорошо: глаза сразу провалились, нос заострился. Я дала ему малость отдышаться и снова из укрытия выбралась в траншею. Он без слова за мной. Оба ринулись на позицию сержанта Николая Пряхина. Спрятались в перекрытой стрелковой ячейке. Я начала лихорадочно подгонять бинокль по глазам. Но Соловей и без бинокля разглядел:

- Идут!..

- Держись, ребята! Приготовиться! - Я выглядываю осторожно в амбразуру ячейки и ничего не вижу: стелется дым клубами почти по самой земле, а что в том дыму - сам черт не разберет.

- Идут!.. - Ага, вижу. В самом деле, идут. Не спеша, не пригибаясь, как на прогулке - ну не нахальство ли? Вражеская цепь наползает медленно, то растягиваясь по полю, то сжимаясь, как резиновая.

- Внимание! Без команды не стрелять! - Ага, это ротный Пухов.

- Огонь! - Стрелки рванули довольно дружным залпом. Справа и слева ударили мои "максимы". А Пряхин все медлит: точно прикипел к рукояткам пулемета - живым не оторвешь.

Сериков что-то кричит сержанту под каску. Я успокаивающе кладу руку на плечо разгорячившегося взводного. Он пока не знает, что Коле Пряхину в бою подсказка не нужна. Он откроет огонь в самый подходящий, самый нужный момент - завидный глазомер и выдержка.

- Огонь! - Вот он, "самый-самый". Кинжальный. Я вижу, как падают срезанные свинцовой струей фашисты, как застывают на месте сизыми бесформенными бугорками убитые, как, извиваясь и вдавливаясь в землю, отползают назад раненые.

А всё идут! Но уже не так самоуверенно - арийская спесь

посбита.

Наши минометчики дают заградогонь как раз перед цепью. Ага, залегли. Можно дух перевести. Я жестом прошу у Соловья флягу с водой и отпиваю добрый глоток.

- Живой? - окликаю Серикова. Просто так, ведь мне отлично видно, что взводный командир жив-здоров и занимается тем же, чем я: дух переводит. Поливает из фляги на руку - разгоряченное лицо охлаждает, размазывая по щекам черные полосы копоти.

- Так держать! - подбадриваю его. - Соловей, теперь к Сомочкину.

Я не спрашиваю, как мой Сомочкин пережил первое боевое крещение. И так ясно. Но ведь пережил! Самый страшный, самый трудный момент для человека, впервые попавшего под массированный артналет, позади. Страшнее этого уже ничего не будет, хотя кажется: нормальный человек к этому никогда не привыкнет.

Сомочкин, глядя мне в лицо настежь распахнутыми глазами, удивляется:

- Верите ли, по своим лупят! Они лежат, а снаряды ихние...

- Черт с ними, голубчик. Как дела?

- Как? Опять вот идут. - Над нашими головами зло и хищно повизгивают пули: скорострельные вражеские МГ захлебываются в злобной ярости. Над бруствером взрывается что-то непонятное. Пачкой. Осколки разлетаются со стеклянным звоном. Сомочкин удивляется:

- Склянками, что ли, фриц швыряется? - и с запозданием прячет голову под земляной бруствер. Вз-зи-дзинь! Хлоп - опять пачка звонких стекляшек. С силой пригибаю голову юноши под бруствер, ругаюсь:

- Нельзя так. Запрещаю! Беречься надо!

Командир второй стрелковой роты Игнатюк издали приветственно машет мне рукой. Успокаивает: все в порядке. Его сухое красивое лицо в каске, нахлобученной по самые брови, осунулось и закоптело дочерна.

Вторая атака уже с осторожностью: в три погибели, короткими перебежками. Стрелки наши теперь отбиваются уже не залпом, а вразнобой.

Пулемет Васи Забелло ревет, как зверь. Знай наших!.. А потом...

Я пожалела, что не осталась при КП батальона. Там хоть что-то бы видела. А тут - головы не поднять. Сплошной свинцовый ливень. Кромешный ад. Казалось, это не кончится никогда. Пулеметы мои умолкли. Все живое притаилось. Фашисты лежали на нейтральной полосе и поливали наши окопы неистовым,

ураганным огнем.

Опять выручают наши минометчики: буквально засыпают нейтралку осколки даже до нас долетают. Зато вражеский огонь ослабевает. Снова вступают в дело мои пулеметы. И так раз за разом - с переменным успехом.

За день атакующие не продвинулись ни на шаг. Еще бы: мы сейчас внушительная сила. С нами надо на "вы" - и то не договоришься.

К вечеру огонь заметно ослабел, а с наступлением полной темноты на переднем крае стало и вовсе тихо. Только на флангах батальона, как бессонные часовые, постукивали мои "станкачи" - беззлобно, так - для острастки. В ответ на всю катушку закатывались злобные фашистские МГ.

Я нарочно не спросила у своих юных командиров, страшно ли им было в своем первом бою. Они наверняка бы ответили мне - женщине: "Нет!" И соврали бы. Я-то знаю, что такое первый бой: в голове полный сумбур, при всем желании не вспомнишь в последовательности, что было и как было. Вспоминаются только детали, да и то не сразу и не все. Держались молодцами - и за то спасибо.

Ночью к самой траншее подъехала полевая кухня с горячей кашей. Пришел мой старшина Василий Иванович с писарем. Старшина пополнил боезапас и смазочное и лично проследил за кормежкой пулеметчиков.

Писарь деловито спросил:

- Потери есть?

Да, потери были. Во взводе Кузнецова. Ранили пулеметчика Илюхина, и погиб весельчак Митя Шек - белорусич, так и не дошел, чуть-чуть не дотянул до родного дома. Обидно. И очень жалко. Я хорошо помнила Митю еще по первому бою, когда только роту приняла. Маленький, замерзший в сосульку, сонный, но грозный: "Опять герман, кляп яму в рот! Цаляй у брухо! У самый рамень..."

Кузнецов, кажется, малость всплакнул. Понятно: не привык, сердцем не очерствел. И не повернулся мой язык упрекнуть офицера за минутную слабость. Обняла его молча, как милого брата, и ушла на КП батальона.

Комбат Фома Фомич обрадовался:

- Жива? - И тут же отчитал: - Где бродишь? Добегаешься!..

Вот чудак-то, точно я для собственного удовольствия бегаю по полю боя.

Мне удалось в конце ночи малость соснуть. Опустилась на корточки в переполненном блиндаже КП и, прислонившись к прохладной земляной стенке, отключилась. Приснился Митя Шек.

Не погибший - живой. Сначала что-то все говорил мне, задорно мерцая зеленоватыми глазами, а потом "лявониху" у костра отплясывал. Обмотка на правой голени сползла... Ах ты, миляга!..

Проснулась - все лицо мокрое. Хорошо, что Соловей не видел. Спал мертвым сном тут же, рядом, тоже на корточках. Еле разбудила. Пошли в обход. Скоро начнется новый фронтовой день. Новый бой...